

«Московский комсомолец», 1962, 18 ноября

ПОСЛЕДНИЕ ОБОРОТЫ «КОЛЕСА СЧАСТЬЯ»

НАРЕКАНИЯ на облегченность, недостаточную серьезность репертуара театра имени Ленинского комсомола не новы. Разговоры о слабости сегодняшней молодой драматургии никого не удивят. Пока раздавались нарекания и велись разговоры, театр нашел и поставил пьесу молодого драматурга Эдварда Радзинского «Вам 22, старина!» (режиссер С. Штейн, художник М. Виноградов). Пьесу, воркую и живую, свежую.

Универсальных колодок в драматургии много, но молодая «студенческая пьеса» — из числа наиболее распространенных. Активное неприятие стандарта привлекательно, но само по себе успеха еще не гарантирует. Между строки пьес многих наших молодых читается нетерпеливое желание их авторов сделать все вопреки стандарту, чтобы во возможности было наоборот. Если валяться на этой стадии слишком долго, то неутешительным итогом героической ломки шаблонов неизбежно предстанут новые шаблоны, составленные из старых, вывернутых наизусть.

Радзинский пишет «студенческую пьесу», но он мало озабочен тем, чтобы быть ни на кого не похожим. Володя Ломинанов — мятущийся, неустрашенный, еще не мишурный себя. «Свой парень» Мишани, состоящий в друзьях при звезде филологического факультета Тиме Кубасове и затанцованный и тусовливый замкнут бездарности. Таких уже видели? Неправда, смотрите внимательно. Можно влить фигуру прилежливую, очистить от всех литературных, сценических наслоений и разглядеть в ней нечто неожиданное и важное. Молодая драматургия позволяет себе повторить о привычном, потому что обладает одним качеством. Чрезвычайно редким для начинающего, — умением вглядываться в жизнь, минуя театральные ассоциации. При всем том, что и литературного умения не хватает, и частично изменяет вкус.

Или Тим Кубасов. Манера держаться, разговаривать — свободная, в суждениях — подкрепленная неуверенностью и непочтением к авторитетам. Еще недавно такие герои изображались исключительно шагающими по жизни легко и бездумно.

Потом отношение драматургов к персонажам такого рода стало добрее и заинтересованнее. Утверждалось, что никак нельзя составлять суждения об этих ре-

Т. Кубасов — артист В. Корещий, А. Шорохов — артист Ю. Колычев.

бятах, основываясь только на их наружной бравуре, что на самом деле они внутренне чисты и духовно неординарны.

Радзинский, видимо, считает, что доказывать — это значит повторять пройденное. Да, изменилась во многом манера поведения людей, особенно молодых. Стала свободнее, проще, демократичнее. Высокие слова берутся, не бросаются по любому поводу, юмор прочно вошел в каждодневный обиход. Так странно же можно вести разговор о том, что вечно по меньшей мере усматривать здесь аловещие признаки дилеммы и душевной опустошенности.

Нет, в авторской защите Тим Кубасов не нуждается. Он сам в силах кого угодно защитить. Он тверд в жизни. Он выбрал свою дорогу и пойдет по ней, не сверачивая. И если даже близкому другу придет опротивеет мысль пошутить над его наукой, пусть добродушно и совсем не зло, Тим встанет и скажет, плохо скрывая бешенство: «Я не понимаю, почему ты замолчал? Можешь еще поостричь? В тебе всегда просыпается юмор, когда ты говоришь о науке... Ну, поехали! Чего там стесняться! Жил-был Эйштейн, чудак со восторженными волосами. И надоедал всем какой-то «относительностью». И всю жизнь пытался понять какие-то кванты. Сюда же прибавим этого юмориста, который трепался на конгрессе о дуопроцентной радиоактивности... И еще сотню «комиков», умерших от лучевого. И у нас получится современная физика, Цирки!».

Чувство юмора и кажущаяся легкость суждений не мешают ему сказать так. А нас, нас они заставляют поверить, что слова эти принадлежат не нарочному малявкену с прилепленной биркой «положительный ге-

рой», а человеку живому, сегодняшнему.

Кубасова играет В. Корещий, играет умно и тожко. Еще в спектакле заняты молодые актеры Г. Матвеева, М. Струнова, М. Державин, Ю. Колычев, В. Богачев, В. Ларионов, А. Шпрингидт, А. Покровский, Л. Каневский... Перечислены почти все участники спектакля, потому что только двое из них — А. Пелевин и В. Всеволодов — представители старшего поколения (истати, нашедшие с молодыми общий сценический язык).

Перечисление участников — не самый плодотворный способ разговора об актерских достоинствах. И все-таки в данном случае оно имеет свой смысл. В одном спектакле — десять актеров, объединенных доброй и заинтересованной волей режиссера С. Штейна, из которых каждый в силах «присмерить на себя» характер молодого современника, способен додумать героев Радзинского, дополнить их своими жизненными наблюдениями. И десятерье — это еще не все, поверьте на слово! Да, в театре есть много играть молодежные пьесы...

ТЕПЕРЬ немного истории. Шейла на этой сцене такой спектакль — «Колесо счастья». Почти символ театра в недавнем прошлом. Первыми репликами, первыми минутами сценического времени автор и театр словно бы предупреждали зрителей: «Все будет почти как в жизни. Ну, может быть, чуть-чуть проще. Слегка алегантинее. Немного трогательнее, чувствительней. Получится приятно для взгляда, в меру похоже и не слишком обременительно на интеллектуальное отношение». Немало перекрал театр пьес, в большей или меньшей степени соответствующих такой эстетической программе. Гремела браурная

музыка, лихо вертелся сценический круг, от поднятия до закрытия занавеса бодро плясали и пели молодые рабочие, колхозники, студенты. Неслось по укатынной колее из спектакля в спектакль «Колесо счастья»...

Но только в последнее время вдруг забуксовало, стало увязать на нехоженых тропках «Большого волнения», некоторых других пьес, поставленных недавно. Театр всеерьез обратился к драматургии, по которой на одном колесе не очень-то проедешь.

Однако «Колесо счастья» все-таки доспирало до пьесы Радзинского. Оформление, например, явно впиталось на нем. То-ли — снежно-белые и нежно-голубые, ласкающие глаз и девственные аны всяких сомнений. Отвлеченная сценическая конструкция, без намеков на приметы сегодняшнего дня, современного города. Изящно и даже мило, только очень уж неуместно.

Потом еще музыка. Бывает так: с одной стороны, герою вроде бы самое время поразмыслить о жизни, но с другой стороны, очевидно, что пьеса этого не выдержит, начнет расплываться по швам. Возникшая бы нежелательность легко рассасывается, если в этот момент герой заявляет душевную песенку, глядя перед собой вдумчиво и загадочно. Пьеса «Вам 22, старина!» размышления над жизнью выдерживает. А диалог звучит все равно по инерции. И песенка тоже. Ох, как, наверное, трудно думать в ритме легкой музыки! И герои, попав в этот ритм, перестают быть живыми ребятами, превращаясь в условно-театральные мальчиков и девочек. И даже там, где по тексту пьесы должна звучать «Бригадинка», театр предлагает другую мелодию, может быть, более сценически выигрышную, но ничего общего не имеющую со студенческими песнями. И обиднее всего то, что А. Эшпай написал в общем хорошую музыку. То есть не то обидно, что он ее написал, а то, что исползована она явно не по назначению.

Однако даже значительные дозы «колесной эстетики» не мешают сделать вывод, что смазывать «Колесо счастья», кажется, скоро станет нечем. Оно доживает свои последние обороты. Ну и ладно. Поскрипело, и будет. Пора переоснащать на более современные виды транспорта.

Н. ШЕРБАКОВ.